

ТО БЫЛ ТЕАТР!

6 и 7 апреля в спектакле Костромского драматического театра имени Н. Островского «Живой труп» выступили артисты Московского государственного театра имени Е. Вахтангова — народный артист СССР, лауреат Государственной премии Н. О. Гриценко и артистка Л. В. Максакова.
На снимке: в роли князя Абрезкова — заслуженный артист РСФСР В. М. Ярчевский, в роли Федора Протасова — Н. О. Гриценко.

жизнью и другой судьбой, и она раз-
вертывается перед глазами, в какие-
то два с лишком часа прочерчивая
свою гибельную кривую от той еще
неясной, ничем трагическим не чре-
ватой разгульной сцены с цыганами
через трезвый решительный разговор
с князем, когда понято до конца, что
возврата нет и не будет, и до пья-
ной, но такой обреченной, беспре-
дельно искренней, последней испо-
веди, и до угасающего шепота о
том, как хорошо, как хорошо...

Мы отучились слушать, как мол-
чит актер, как наполены жизнью
эти мгновения тишины и какого-ни-
будь будничного жеста, нас приуча-
ют к непрерывному словоизвер-
жению, а тут значительным и пси-
хологически необходимым стало ка-
кое-нибудь поспешное и нервное
подтягивание галстука, потому что
никак нельзя, чтобы милая Сашень-
ка подумала, что он так пац и так
неопретен; тут жизненно обязатель-
ными стали паузы, потому что Фе-
дор Протасов говорит, истинно ду-
мая, истинно страдая, и от того так
интонационно богата, вместиельна
его речь, так неожиданно и прекра-
сно она меняется, вбирая в одно, ка-
залось бы, узкое слово целые про-
странства заветного чувства.

«Хорошо... Так и надо. Так и надо.
Чудесно», — скажет Гриценко, и мы
поймем, как и вправду хорошо, и
дивно, и свободно, когда все выска-
жешь, и поймешь, и решишь, и хотя
бы на миг единый поверишь в свою
силу и волю, в возможность осво-
бождения.

Но силы не хватит, и воли не хва-
тит, но осудим ли мы эту слабость,
когда неоспоримо справедливо ска-
жет Гриценко: так вот сложилось,
«и мы все живем», и при этом как-то
едва заметно обратится к нам, и ста-
нет понятно, что незачем было гу-
бить себя, когда все были успокоены
и даже по-своему счастливы, и все
вокруг жили, и ему тоже хотелось
жить. Но раз обман открылся, и до-
рогие ему люди страдают сызнова,
так куда же деваться измученной, за-
гнанной душе — виноватой! — как не
каяться? И, нарушая ремарку Тол-
стого, зовущего кланяться в ноги
Карениным, рухнет Гриценко отча-
янно и покаянно на колени, и уро-
нит усталые ненужные руки, готовый
принять всю вину мира, человека
— на себя!

Этот Федор Протасов вытеснен из
жизни, в которой жил по такой по-
нятой и простительной слабости,
потому что даже такая, стыдная —
она была хороша, с Машей! Он зна-
ет, что вокруг фальшь и лицемерие,
и оттого, что он это хорошо знает и
навсегда понял, его обличения не
под пьяную руку, а от давнего выво-
да, и пьет-то он от стыда, а не от
бессмысленной дури и бездуховно-
сти, от которой обычно совершают
возвращения...

Но, говоря о таком Протасове, не
умолчишь и о Маше, сыгранной ак-
трисой вахтанговского театра Людми-
лой Максаковой. В ее Маше — во-
льность, и чистота, и гордый нрав на-
рода-считальца, и любовь бескорыст-
ная, свободная, так хорошо оттеня-
ющая мир условностей и запретов.

Словом — это был Театр, это бы-
ло Искусство, это было обращение к
лучшему в человеке, это было тор-
жество духа и совестливости, это
была жизнь.

Провинция, говорят, руковерженна,
и оправдывая молву, она рукопалеска-
ла — не звание артиста — его таланту,
его душевной щедрости, и была пра-
ва в своей непосредственности, не-
избалованности, в свободном выра-
жении растревоженной совести.

Маша — артистка Л. В. Максакова.
Фото Ю. Калининкова.

Как написать про это, чтобы было
правдой, чтобы хоть в малой степени
восстановить пережитое нами в тот
вечер в старом, выдавшем виды Ко-
стромском театре?

Как выразить то, что словами поч-
ти невыразимо, потому что длится
миг один, одно ускользающее мгно-
вение, и вот его уже нет — нет это-
го чуда, этого выражения глаз,
этой мольбы и этого гнева, этого
тихого проникающего голоса. Уже
дамы свет, и признательный зал ру-
коплещет, и пора расставаться.

Хорошо любить литературу —
книжку можно перечитать, хорошо лю-
бить кино — фильм можно посмотреть
в сотый раз, но как быть с театром,
как ступить в поток дважды, чтобы
снова увидеть однажды увиденное,
вернуть утраченное, услышать услы-
шанное?

Невозможно повторить неповтори-
мое, а может быть, и не нужно —
так целое будет в нашей памяти
рожденное в нас святое волнение,
осенивший нас праздник искусства.

На сцене играл Николай Гриценко,
и жил Федор Протасов. И велю ду-

хом Льва Толстого. И просыпалась,
прояснялась в нас странная общ-
ность с этим слабым, гордым и без-
мерно, бескрайне совестливым чело-
веком, и не важен уже был повод
этой горестной, безысходной драмы,
а важен был этот пронзительный
стыд за бессмысленную, безнравст-
венную жизнь, эта старая русская
тоска по воле и вольнице, так бес-
смертно живущая в необъяснимой
любви к цыганской песне.

Разные бывают Протасовы: погор-
ластее, позабубеннее, но этот-то
был истинно русским человеком,
интеллигентом притом, русским
страдальцем, чье страдание не пуб-
лично, не площадно, и тем невыно-
симее оно и горше, что жжет душу
огнем неопалимым и тайным. Его
глаза, наполненные слезами, все его
страдающее лицо, поглощенное ка-
кой-то важной центральной мыслью
жизни, пусть дольше не дают нам
покоя, восхищая силой таланта и
ума артиста, умеющего не играть —
жить! — другие жизни. Это же вели-
кая радость и счастье, когда сам че-
рез артиста живешь этой другой